

ДЕВОЧКА. ДЕВУШКА. ЖЕНЩИНА. ЦАРЬ

Жила-была девочка. Хорошенькая и ладненькая. Она жила в чудесной семье и в своем прекрасном мире. Играла с мамой в геологов, читала сказки, мечтала. Поскольку девочка была умная, ее взяли в школу не для всех. Туда брали детей известных людей, всяких дипломатов, полезных людей, но чтобы как-то разнообразить и расцветить палитру, иногда брали и со стороны.

Тут девочка и столкнулась с первым параллельным миром. Дети в классе были другие. Заграница была для советского ребенка чем-то далеким и опасным. коммента-

тор Зубков в «Международной панораме», одетый во все французское, тревожно вещал: «В Париже весна, неспокойно в Париже». А оказалось, все не так. Одноклассники приезжали оттуда нарядные, с фирменными сумками вместо привычных кожаных коричневых портфелей, красиво подстриженные. Девочка смотрела на свое шитое мамой платье, на футболки, раскрашенные фломастером, на чулки, пришитые к трусам, и понимала, что что-то не так. А когда узнала от очевидцев, что на дне рождения сына известного композитора зимой из угощения были предложены целые «тазики» черной и красной икры, крабы, огурцы и помидоры и целая гора красиво поджаренного мяса, девочка опять озадачилась. Но она была легкая и непривередливая, прекрасно говорила по-французски. Папа с мамой стригли ее, как Мирей Матье, возили на машине на море, и жизнь представлялась прекрасной и манящей.

Шли годы. Наша девочка превратилась в девушку. И тут опять появились параллельные миры.

Здесь она встретила мир разочарований. Она хотела и, поверьте, имела полное право учиться в самом лучшем университете. Но сначала доказала теорему нестандартным способом; умничать было не нужно, и ей снизили балл. Потом она и вовсе перестаралась. Написала прекрасное длинейшее сочинение, но увлеклась и не успела проверить. В итоге пять/два. И до свидания.

Дальше — больше. Девушку пригласили сниматься в кино, после съемки массовки ее заметил стареющий режиссер. Пригласил домой посмотреть новый сценарий. Он был старый, рыжий, пил водку, заедал чесночным салом. Сценарий был с участием Боярского. Мюзикл. За

роль предлагались рука и сердце, ну, через испытательный период. Девушка долго бежала к метро и плевалась.

Были миры и покруче. Девушка с разбитной подружкой пошли ужинать в «Прагу». Не пойми с кем, но с богатыми и борзыми. Потом их отвезли на квартиру в Медведкове, где предложили отблагодарить за ужин. Подружка вообще была походница, а наша девушка уткнулась на улицу и пыталась скрыться, но была поймана в бетонных дворах. Посажена в «Волгу» и предупреждена, что кататься будут до победы. Она была отчаянная и безбашенная. Когда скорость чуть снизилась, она выпрыгнула на ходу и опять обратилась в бег. Но и тут волосатая рука ее цапнула и запихнула обратно, но на этот раз уважительно и бережно. Восточный богатеи был сражен, он отвез ее домой, предложил компенсацию за порванную мамину шубу и платье. Долго таскал цветы и блял.

Но не все было так мрачно. Кроме мира разочарования, встречался еще и мир очарования.

Вышел фильм «Асса», и девушка увидела совершенно свое, но ни на что не похожее кино. Она смотрела фильм двадцать раз, плакала, разбирала на цитаты, учила песни, копировала Алику, как могла. Единственное, что ей не удавалось, — это тот самый легкий, слегка равнодушный, слегка небрежный флер, которым налитан фильм. Этакое непонятно что, как платье Шанель и, как говорили в фильме про Пушкина, «нет ничего, и есть все».

И одновременно она прочитала «Парижскую любовь Кости Гуманкова», вышедшую в журнале «Юность». Вообще наша героиня много читала. Сначала сказки, потом приключения, потом классику, потом все, что было в домашней библиотеке: от Карела Чапека до Хемингуэя и Ремарка.

Мама любила Чехова и часто читала вслух его рассказы, заливаясь смехом. Но девушке нужен был свой писатель, с легким пером, ироничный, немного язвительный, тонкий, мастер ловкого и меткого словца. И вот случилось, пришла пора, она влюбилась, и сразу в двух мужчин: великого режимного и великого писателя.

Впечатлений об этом периоде осталось много, и девушка решила, что надо себя побережь и стабилизировать ситуацию замужеством. Как она, бедняжка, ошибалась, но уверенно шагнула в статус «женщина».

Первый мир, с которым наша юная женщина столкнулась, был мир богатства. Собственно, он давно ее манил, а теперь можно было и посмотреть, и попробовать, и поучаствовать. Появились дамы в мехах, с домоработницами, дикий продукты, чемоданы вещей, дворцовая мебель, а первая дочь была самым нарядным ребенком в городе. Путешествия, камушки, коллекции золотых монет. Дома, дачи, красная машина. Все это приходило и уходило вместе с мужьями. Оставались только дети. Как она уже потом поняла, *notre femmes* — все же главное богатство. Все остальное она решила зарабатывать сама, так было надежнее.

Следующий мир стал миром невзгод и горя. Страшным откровением стал факт, что если ты болен или беден, то ты никому, кроме своих, не нужен. Однажды лучшая школьная подруга заехала в гости после большого перерыва. Оглядела руины семейного счастья, посетовала на не самый лучший период. И предложила не скулить, а взять детей и поехать на майские вместе с ней в Ниццу. Ну не сидеть же в праздники в Москве. Успела уточнить, что их новый щенок любит только йогурты с киви. Наша героиня открыла холодильник, прошла по пустым полкам и предложила подруге небольшую пешую прогулку.

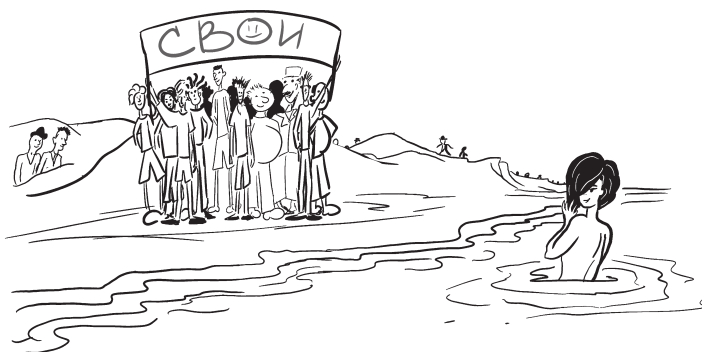
И самым темным углом стал для нее мир горя. Ушел папа, ушел любимый священник, ушел лучший друг. Горе, как огромное, сырое, тяжелое ватное одеяло, легло на грудь и придавило. Ни встать, ни вздохнуть. Сплошные слезы и снотворное, залитое алкоголем. Выбираться было трудно. Совсем трудно. Однажды очередной доктор сказал ей: «У вас одно пепелище, нищета и мертвые. Зачем вам жить, заканчивайте».

Ну нет, никогда, сказала наша героиня, уже взрослая женщина, и побежала к третьему миру этого этапа под названием «я такой же, как ты». Она устроилась в очень важное и очень нужное государственное учреждение. И по роду службы встретила там «весь телевизор». И любимого режиссера, и писателя, актрисул, певичек, грозных чиновников, журналистов, да вообще всех. Узнавая их ближе, она испытывала настоящий шок, который сначала стал золотыми медальками, превратившимися в простые шоколадки. Некоторые, конечно, вкусные, с орешком или изюмом, а некоторые и с белесым налетом из-за просрочки. Они были простыми людьми, много пили или вообще не пили, мяли картошку вилкой, вынимали селедочные кости руками из тарелки, обливались кофе, болтали вилкой в шампанском, чтобы выпустить пузырьки. Они болели и просили бесплатных лекарств и врачей, их детям нужны были детские сады и путевки, их заливали соседи, им крысили гонорары. Они икали, пукали и страдали от похмеля. А главное, они запросто общались, пытались дружить. Наша героиня подумала-подумала, посмотрела на работающий телевизор и выключила его. А потом и выкинула телевизор из дома, вместе с его жильцами. Долго смеялась, очень долго и очень звонко со счастливыми слезами. И в этот момент появился царь.

Ну, не царь в смысле государь, и не царь зверей. А царь самого себя. Она стала работать так виртуозно и легко, как искусство. Не загоняя себя, а в радость и красиво. Она смогла позволить себе дружить и делать всякие полезные милости, не требуя ничего взамен. Она стала тяготиться властью. Она стала уважать себя, наряжать себя, беречь себя. Она встретила мужчину, которого не стала равнять под себя, а, наоборот, научилась отпускать. Она нашла формулу идеального одиночества, когда тебе интересно и весело с самой собой. Она идет по жизни на мягких лапах, нарядная, улыбчивая и пахнущая свежестью, лимонами, розами и счастьем. Она обожает делать подарки и угощать, подбирая посуду и цветы по сезону и настроению. И даже познакомившись с живой Мирей Матье, она не удивилась, а согласилась с собой и своими мыслями, а почему бы и нет.

Все параллельные миры стали перпендикулярными, перессорились и слились в большой радужный шар, который, как невидимое солнце, подсвечивает ее жизнь. А главное, она идет по жизни с улыбкой. Не очаровываясь и не разочаровываясь. Так что улыбайтесь, господа! И помните: за вами следят.

СВОИ

Свои — очень важное понятие. Свои — это свои. Просто свои бывают разные. Приезжаешь в Крым, видишь номер 777 и радуешься: свои, московские. Когда мы в детстве путешествовали на машине, то папа всегда гудел московским номерам, а мы махали в окошко. Мы махали и понимали, что мы тут не одни. И если что, тут свои рядом.

Потом мы начали выезжать за границу, и понятие своих расширилось. Сначала оно жирно отметилось коллективным пьянством, которое начиналось в дьюти-фри и заканчивалось по возвращении обратно. Мои турецкие коллеги когда-то спрашивали, почему все русские самолеты прилетают пьяными. Мне сложно было объяснить, но после каждого прохождения границы, после заветного хлопанья печати в паспорте, мы все, наверное, абсолютно все, чувствовали до визга свободу, которую надо было немедленно закрепить и отметить. Нас с сестрой задержали

на границе в Израиле, мы везли шесть литровых бутылей спиртного. И спроси, зачем? Так, на всякий случай.

Потом, выбирая отели, турагенты специально преподносили отели, говоря, что русских там нет. И это было круто. Мы стеснялись своих.

Как-то раз мы оказались в чудо-отеле на севере Италии. Это самое буржуазное место, которое я когда-либо видела. Деревянные, чуть потертые панели, розовый мрамор, хрусталь. Ужины проходили с обязательной изысканностью нарядов, под звуки рояля, с официантами в смокингах, серебряной посудой и гастрономической едой. К ужину по парадной лестнице спускалась хозяйка, благообразная мумия в мехах и бриллиантах. Она обходила все столики, говорила любезности. Мы старались, одевались, шпарили по-французски. Короче, соответствовали. Публика была правильно подобранная: политики, военные в чинах, дипломаты. В Москве всех предупреждают: надо соответствовать, иначе вам будет неловко. Однажды мы увидели милую русскую пару, одетую как туристы: джинсы и майки. Ничего особенного, но зрелище резало глаз, мы отвернулись. Это были свои, но не наши.

Прошло время, и мы освоили земной шар. Мы одни из самых богатых туристов в мире. Мы шикарно одеваемся. Мы выучили языки и скупил недвижимость. Хотя моя мама говорит за границей только по-русски и утверждает, что они обязаны учить русский. И наверное, она права.

Но речь не про язык. Куда и когда бы мы ни приезжали, просто проходя по улице, в музей, в магазине, не слыша языка, мы всегда точно знаем: это наши. Однажды мы приплыли на корабле в Неаполь. Рано-рано утром, часов в пять-шесть. Спустились на берег и пришли на централь-

ную площадь, где нас ожидал гид. Все еще было закрыто, лишь горстки людей стояли на автобусной остановке. Спinoй к нам сидела группка обычных женщин. Просто женщин. Свои, подумала я, и предложила всем пари, которое тут же выиграла. Как в спинах чужих мне женщин я прочитала какой-то генетический код? Почему в толпах одинаковых людей мы безоговорочно видим своих? В чем дело, я не понимаю. В мягкости славянских лиц, во взгляде. Мы чуть спешим и суетимся всегда, мы немного бесшабашны и бесстрашны, мы любим все потрогать. Ну и что? Так делают многие. Нет ответов. Нет. Остается главное — та самая загадочная русская душа. Как сказал про Россию Уинстон Черчилль, «это головоломка, завернутая в тайну, завернутую в загадку». Пусть так и остается.

Кстати, меня за русскую никогда не принимают. Каждая нация меня приватизирует и обращается на своем языке, ну, кроме африканцев, конечно. Кем я только не была: гречанкой, испанкой, итальянкой, американкой, узбечкой, еврейкой и даже курдкой.

Про курдов вообще смешно. Летим мы в Египет. Рейс очень ранний. Рядом сидит египтянка, курдка видимо.

Самолет подлетает, и я начинаю красить глаза. Дама машет руками и говорит: «Не надо, мол, не положено». Я продолжаю наводить красоту. «Ты курдка?» — спрашивает она. «Нет», — отвечаю и отворачиваюсь. Самолет садится, я при полном параде. Дама заворачивается в тридцать три простынки, становится похожа на кокон. Берет сумку, хлопает меня по плечу и говорит: «Ты курдка, курдка, и не надо этого стесняться».

Может, я, конечно, и не похожа, но я точно своя. В любой стране мира я ищу православный храм. И войдя туда, я чувствую себя дома, где все свои и все хорошо.

Сейчас мы заставили весь мир подумать, кто свои, а кто нет. Сейчас мы наконец-то абсолютно горды, что мы свои. Мы ощутили свое многовековое заслуженное величие. Это пафос, конечно, но очень приятный.

Нас не очень ждут в мире, ну и не надо. Мы дома, мы тут все свои, и никто нам, собственно, и не нужен. Нам и тут хорошо. Многие свои стали бывшими своими. И отлично! Многие не свои, наоборот, оказались сво-яками. Еще лучше! Мы спокойны и уверены в себе как никогда. Нам не одиноко, не тесно, не узко. Нам очень и очень хорошо! А вы? Вы слушайте мою маму, господа, учите русский!

